

БАРБАРА ОЛЯШЕК

(Лодзь)

ПРОБЛЕМА ИНСПИРАЦИИ Г. Т. БОКЛЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. И. ПИСАРЕВА

С момента появления крупнейшего труда английского философа, историка культуры и социолога эпохи королевы Виктории – Генри Томаса Бокля (1821–1862) *История цивилизации в Англии* (1857–1861), в котором нашла изложение историческая концепция цивилизации в Европе наблюдаем необыкновенный интерес в этому автору среди европейской интеллигенции. Книга Бокля вызвала живой интерес профессиональных историков, публицистов, писателей и обычных читателей во многих странах, в том числе в России.

Имя Г. Т. Бокля стало известно русской общественности уже в 1860 г., когда „Отечественные записки” опубликовали первый том *Истории цивилизации в Англии*, а в 1861 г. Евгений Эдельсон опубликовал в „Библиотеке для чтения” цикл из двух частей *История цивилизации в Англии. Сочинение Г. Т. Бокля*, т. 1. Отдельным изданием оба тома вышли в 1863–1864 гг. в издательстве К. Бестужева-Рюмина. В номере 4–5 „Библиотеки для чтения” за 1864 г. напечатана биография Бокля и ряд других его трудов¹.

Автор вступительной статьи к *Истории* в издательстве Ф. Павленкова – Евгений Соловьев, приводит высказывание некоего Уоллеса из его книги *Россия* свидетельствующее о популярности Генри Бокля:

Мне редко приходится раскрывать номер журнала и даже газеты без того, чтобы не встретить имени Бокля. Интеллигентная молодёжь зачитывается *Историей цивилизации* и на многие мысли высказанные в ней, смотрит, как на откровение².

¹ Все сведения по вопросу рецепции Г. Т. Бокля в России почерпнуты из работы Б. Ф. Егорова, *Борьба эстетических идей в России 1860-х годов*, Ленинград 1991.

² Г. Т. Бокль, *История цивилизации в Англии*, т. I, Санкт-Петербург 1896, с. IX. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию и обозначаются в тексте в скобках, римской цифрой том, арабской – страница.

Со своей стороны Соловьев подтверждает это впечатление:

Ведь на самом деле не даром восторгалось книгой Бокля то поколение, чьими делами мы живем ещё и в настоящее время, т. е., люди шестидесятых годов. Лучшие из них сразу увидели, что идея Бокля включает в себе важнейшие практические указания, что принятая даже во всей своей однородности она поведет людей не назад, а вперед, потому, что в ней запечатлелась культурная вековая работа несомненно великой нации (I, 12).

Упоминания о Бокле можно найти у Николая Чернышевского, Максима Антоновича, Дмитрия Писарева, Варфоломея Зайцева, а также его „присутствие” можно обнаружить в *Отцах и детях* Ивана Тургенева и романе *Марево* Виктора Ключникова, герои которого читают Бокля наряду с теорией происхождения видов Карла Дарвина, в романе *Гимназисты* Николая Гарина-Михайловского.

По мнению современного исследователя Бориса Егорова, интерес к Боклю характеризовал радикальную молодежь³. За ней закрепилось даже прозвище „боклисты”.

Однако, самое сильное воздействие оказал Бокль на ведущего критика „Русского слова” Дмитрия Писарева (1840–1868).

Кажется, что взгляды Писарева на историю и методы ее исследования, общий взгляд на решающие факторы развития цивилизации, роль в ней великих личностей, фанатическое увлечение наукой, особенно естествознанием, а также критерии оценки явлений литературы и культуры возникли, если не под непосредственным влиянием, то при воздействии *Истории цивилизации в Англии* Г. Бокля.

Особенно заметно это увлечение в статьях: *Бедная русская мысль* (1862), *Наша университетская наука* (1863), *Очерки из истории труда* (1863), *Исторические эскизы* (1864), *Историческое развитие европейской мысли* (1864), посвященных вопросам науки, философии, истории, воспитания.

Целесообразно задуматься, что составляло главную ценность произведения Бокля, чем он удовлетворял интеллектуальные запросы поколения шестидесятников.

Читателей труда Бокля привлекали его суждения о движущих силах в жизни европейских обществ и предпринятая им попытка философского обобщения смысла исторических перемен.

Бокль критически относился к историографии, понимаемой, как простой набор фактов. Главным для него является открытие исторических законов, которыми управляются собранные историками факты. Для поддержки своей концепции Бокль ссылается на авторитет Огюста Конта, которой в *Курсе позитивной философии* также с презрением отзывался о „бесвязном наборе фактов, несвойственно называемом

³ Б. Ф. Егоров, *Борьба эстетических идей...*, с. 27.

«историей» (I, 3). Бокль ставит вопрос о провиденциализме и детерминизме в истории. Важнейшей задачей в решении этого вопроса он считает определение факторов развития человечества. С одной стороны, он усматривает их в воздействии физических обстоятельств: климата, почвы, вида пищи и распределения богатств, с другой, прогресс связывает с уровнем умственных возможностей общества, помогавших в решительной степени использовать физические факторы. Сравнивая силу воздействия обоих, Бокль пришел к убеждению, что решающей для развития Европы была сила ума.

Одним из важнейших вопросов являлось для него перемещение тяжести исторического исследования из личности на массу, а косвенно и на экономические проблемы. Основополагающее значение для развития цивилизации имел в его представлении прогресс знания с одновременным снижением важности нравственности.

Высказывания Бокля на тему значения науки в истории человечества имеют свой источник в трудах французских энциклопедистов, хотя ссылки автора, показывают его всестороннюю начитанность и глубокую эрудицию.

Труд Г. Бокля *История цивилизации в Англии* стал для Писарева толчком к историософическим размышлениям о движущих силах развития исторической жизни.

В статье *Бедная русская мысль* Писарев критически высказывается об отечественной исторической науке, которая, по его мнению, благоговеет перед архивной стариной, не стремясь к отбору фактов и установлению исторических законов. Публицист обращает внимание на отрицательную роль субъективного фактора в освещении прошлого и надеется на возможность объективного научного подхода в истории. Научность в его понимании выражается в установлении причинных связей между явлениями и общих законов.

Одним из важнейших, является для Писарева вопрос о роли великих личностей и масс в истории и движущих силах исторических событий. Подобно Боклю, утверждавшему, что правители являются не творцами, а „творениями своего века” и вслед за Вольтером, перемещавшим внимание с личности на массу, Писарев критически смотрит на исторические сочинения, в которых в центре изображены великие люди. На первый взгляд кажется, что именно они играют главную роль и только их жизнь представляет интерес для потомков. Критик пытается приуменьшить их значение, называя „игрушками событий” и „безответными жертвами случайностей и переворотов”⁴.

⁴ Д. И. Писарев, *Сочинения в четырех томах*, т. II, Москва 1955, с. 76. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию и обозначаются в тексте в скобках, римской цифрой том, арабской – страница.

В рецензии на сочинение П. Пекарского *Наука и литература в России при Петре Великом* (1862) Писарев высказывает сомнения относительно возможности образования государства и его социальных учреждений волей одного человека. Рассматривая значение Петра I в русской истории, Писарев выражает свое несогласие с мнениями западников, утверждавших, что история России начинается с реформ Петра. Публицист доказывает, что было наоборот, реформы не изменили судьбы народа и касались только высших слоев общества. Значительно важнее реформ Петра, считает Писарев – манифест 19 февраля 1861 г. „Этот манифест – историческое событие, эпоха для жизни России” (II, 67).

В похвальном, с точки зрения Писарева, деле преобразования России в цивилизованную страну Петр I наткнулся на сопротивление многочисленных подданных, которые не испытывали желания и потребности изменить свой быт. Для успеха реформаторской деятельности Петра необходима была заинтересованность народа, для которой требовались соответствующие условия. На первое место Писарев ставит облегчение материальной ситуации, с которой связывает пробуждение энергии и интереса к реформам низших слоев общества. С точки зрения Писарева деятельность Петра имела значение своеобразного барометра, который показал пассивность народа.

Писарев указывает на значение обстоятельств в истории для исполнения воли личности. В статье *Бедная русская мысль* читаем:

Крупная личность вовсе не управляет ходом событий; она сама, как ингредиент, уходит в процесс исторической жизни; ее действия перерабатываются известными условиями и обстоятельствами, образуют с этими условиями и обстоятельствами разные комбинации и осложнения, вовсе не зависящие от ее личной воли (II, 60).

Преклонение перед великими личностями характерно, по мнению Писарева, для отсталых в цивилизационном отношении стран. Для современности значительно важнее деятельность заурядных личностей. Эмансипацию отдельной личности он связывает с умственным уровнем нации и эволюционным типом исторических преобразований. В развитых нациях, по мнению Писарева, изменения имеют постепенный характер. Они охватывают нравы и способ мышления и связаны с естественной сменой поколений.

Можно полагать, что взгляды на механизм исторических преобразований и роль в них личности русский мыслитель присвоил посредством Бокля, которого читал с великим вниманием.

Нельзя согласиться с оценкой позиции Писарева Юрием Сорокиным, который объяснял отношение публициста к Петру I „общим обострением борьбы против царизма” и его надеждами на революцию⁵. Интерес

⁵ Ю. С. Сорокин, *Примечания*, [в:] Д. И. Писарев, *Собрание сочинений...*, т. II, с. 404.

Писарева к Петру I продиктован не политическими причинами, но желанием высказать свой взгляд на исторический прогресс и его движущие силы. Его источники уходят в философские концепции Бокля. Это показывает, что шестидесятник Писарев, мировоззренчески, ближе позитивистам чем просветителям⁶.

Очередной задачей, которая всецело занимала Писарева, было решение вопроса о движущих силах исторического прогресса. Его постановка, как признается критик в статье *Мотивы русской драмы* (1864), совершилась под влиянием „знаменитого Бокля“.

Подобно английскому мыслителю самое большое значение для определения движущих сил прогресса приписывает Писарев изменениям в области человеческого сознания, на которые имели влияние как физические факторы, так и умственная деятельность.

Непрерывное развитие знания и постоянное накапливание опыта обеспечивали преемственность традиции. Это убеждение Писарева является результатом его размышлений и изучения европейской истории. И в этом случае немаловажную роль в формировании взглядов Писарева имел Г. Бокль, связывавший развитие цивилизации с процессом совершенствования умственных способностей человечества и усматривавший залог его развития в создании оптимальных материальных условий:

[...] умственное начало проявляет такую деятельность и такую способность всё обхватывать, которая совершенно достаточно объясняет необыкновенные успехи, сделанные Европой в продолжение нескольких столетий (I, 79).

Характерно, что некоторые примеры, приведенные для иллюстрации этого тезиса, например, значение изобретения и употребление пороха, у Писарева и Бокля совпадают, что показывает, как буквально следует он за английским мыслителем. Такие совпадения не исключают, однако, самостоятельности Писарева в целом. Публицист творчески присваивал мысли английского ученого. Самое главное, что он вынес из чтения книги английского историка убежденность в решающем значении знания в общественных преобразованиях. Она нашла выражение в статьях: *Наша университетская наука* (1863), *Цветы невинного юмора* (1864), *Школа и жизнь* (1865), *Педагогические софизмы* (1865), *Мысли Вирхова о воспитании женщин* (1865). В них Писарев затрагивает вопросы образования и воспитания, как необычайно важные для формирования

⁶ Просветительский источник взглядов, как считает А. Валицки, послужил поводом к тому, чтобы назвать шестидесятников „просветителями“. См. об этом: А. Walicki, *Rosyjska filozofia i myśl społeczna. Od Oświecenia do marksizmu*, Warszawa 1973, с. 275.

интеллектуального облика молодого поколения, на которое возлагает все свои надежды на преобразование современной русской жизни.

Образование, в понимании Писарева, имеет культурологическую функцию. Она выражается в надежде, что наука станет толчком для самостоятельной деятельности а также повлияет на повышение нравственного уровня личности. С этой надеждой связано желание переориентации направления обучения в русских гимназиях и университетах из классического на реальное, как ближе связанное с потребностями реальной жизни. Это не обозначает, что публицист приписывает образованию инструментальную функцию. Наоборот, он считает, что образование не должно быть связано с надеждой карьеры, но направлено на интеллектуальное формирование личности.

Этот взгляд нашел отражение в статьях, посвященных интерпретации современной литературы, изображавшей тип положительной личности.

Значительно меньше значение в формировании личности приписывает публицист нравственным истинам, ссылаясь при этом на авторитет Генри Бокля:

[...] воспитывать следует вообще, как можно менее [...] Эта мысль находится в тесной связи с знаменитой идеей Бокля о том, что человечество подвигается вперед при помощи знаний и открытий и что нравственные истины не имеют почти никакого влияния на быстроту и успешность исторического развития (II, 192).

В концепции Писарева воспитание занимает второстепенное место, образование же – „[...] учит будущего человека жить и распоряжаться своими силами (II, 193)“.

Из Бокля почерпнута также убежденность Писарева в значении естественных наук, непосредственно помогавших человеку в освоении природы.

Английский мыслитель прослеживает в своем сочинении постепенное укрепление позиции естествознания по отношению к метафизике и называет его переворотом в умственной жизни Европы. В оценке этого явления ссылается на *Курс позитивной философии* О. Конта.

Вслед за Боклем усматривает секрет успеха европейской цивилизации в освоении природы и Писарев. Ключ к реализации этой задачи лежит в естествознании. Русский критик сосредоточивает внимание на введении естественных наук в программы школ и университетов, пытается преодолеть негативное отношение общества к естествознанию и отождествлению его с материализмом.

Писарев надеется, что надлежащее внимание, уделенное естественным наукам, позволит русским приобщиться к прогрессивной Европе. Первостепенной задачей журналистов и литераторов является усвоение и популяризация лучших работ по естествознанию. В статье *Цветы*

невинного юмора Писарев обращается с призывом к Михаилу Салтыкову-Щедрину перестать заниматься сатирической литературой и стремиться заинтересовать читателей естественными науками. Конечным результатом совместной деятельности устремленной на популяризацию естествознания будет, по Писареву, „свежая струя живой мысли, формирующая мыслящих людей в различных областях жизни (II, 289)”. Значение, которое придает Писарев естествознанию дает право назвать его мироощущение сциентизмом, не в строгом смысле „философии науки”, как его понимает современная исследовательница Нина Уткина, а в более широком значении – умонастроения широких кругов интеллигенции, как предлагает Владислав Татаркевич⁷.

Культ знаний исповедуемый Писаревым отразился на его оценках современной литературы. Литература была у Писарева инструментом в борьбе за умы молодого поколения. В статье *Цветы невинного юмора* критик осмеивает модель вдохновенного поэта, считая его порождением теории чистого искусства. В его представлении поэт мало отличается от критика, который должен характеризоваться аналитически-критическим умом. По его мнению, поэзия утратила свое значение в пользу беллетристики, а ту, в свою очередь, вытеснила публицистика. Произошло это в связи с появлением необыкновенно талантливых публицистов. Публицисты в его понимании, лучше чем писатели служат современности.

Писарев противопоставляет литературе, выполнявшей художественные задачи, тенденциозную литературу, которая в его представлении, лучше служит обществу. Тоже серьезное научное исследование он ставит выше литературного произведения.

Такое учезмерное „сужение” понимания литературы, вплоть до понимания под ее названием публицистики, могло сложиться у Писарева под влиянием авторов, которыми тогда он увлекался. В том числе под влиянием Бокля. Английский мыслитель, как известно, игнорировал художественную литературу:

Литература сама по себе предмет неважный и имеет значение только как арсенал, в котором сложено оружие человеческого ума и из которого оружие это может быть в случае надобности, скоро добыто, она [...] рамка, в которую вставляется знание, приобретенное известным народом – форма, в которую вливается это знание (I, 111).

Влияние Бокля отразилось на оценочных критериях, которыми Писарев пользовался в критической практике. При оценке литературных героев Писарев полностью отклоняет эмоциональные мотивы в их поведении и рассматривает поступки со строго утилитарной точки

⁷ Н. Ф. Уткина, *Позитивизм, антропологический материализм и наука в России*, Москва 1975, с. 143; W. Tatarkiewicz, *Historia filozofii*, t. II, Warszawa 1988, с. 80–84.

зрения. Мерилом ценности человека являются не его духовные приметы, а участие в деле прогресса. Прогрессистами могли стать по его мнению единственно развитые интеллектуально и сознающие свою жизненную цель личности.

Из этих предпосылок исходит в оценке образа Катерины Кабановой – героини пьесы Александра Островского *Гроза*. При всем уважении ко мнению Николая Добролюбова, назвавшего Катерину „лучом света в темном царстве”, он решительно отвергает его интерпретацию, данную в статье *Луч света в темном царстве*⁸. Ироническое снижение трагизма образа Катерины послужило Писареву предлогом для демонстрации взглядов на героя романа Ивана Тургенева Базарова, которого, как известно он противопоставлял Катерине⁹.

В предпочтении „мыслящих людей”, „чувствительным натурам” выражается отношение публициста к текущим вопросам современности.

Подводя итог, можно сказать, что Дмитрий Писарев, оставаясь под воздействием идей Генри Томаса Бокля, высказался против историософических концепций о роли великих личностей в истории и признал решающим фактором прогресса знание, а конкретно положительное знание, т.е. естествознание. Обладание знанием, в его представлении, дает человеку надежное орудие в борьбе с природой за ее подчинение своим целям.

Предпочтение, которое отдавал Писарев науке перед нравственностью и искусством, отразилось на снижении роли литературы и уравнении ее с публицистикой. Им назначается функция популяризации идей естествознания в обществе. Утилитарный подход к литературе отразился в критериях оценки литературных произведений.

Близость многих мыслей Дмитрия Писарева с идеями Генри Томаса Бокля приобщает русского публициста к передовой европейской интеллигенции, к образу ее мышления, который сложился на основе позитивистской философии. Позитивистский характер мировоззрения Писарева является серьезным контрвариантом предложений революционных демократов с их теорией политико-революционной борьбы масс. На него складываются: позитивистская историософия, программный сциентизм и утилитарный подход в литературе.

⁸ См. об этом: В. Оляшек, *Katerina czy Bazarow? Z problemów dyskusji nad „Burzą” A. Ostrowskiego*, [w:] *Aleksander Ostrowski a problemy rozwoju dramatu rosyjskiego*, „Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej” 1991, t. 19, c. 101–109.

⁹ См. об этом: В. Оляшек, *Bazarow Dymitra Pisariewa. Od nihilizmu do pozytywizmu*, *Acta Universitatis Lodziensis* 1990, Folia Litteraria 28, c. 43–57.

Barbara Olszek

**PROBLEM INSPIRACJI H. T. BUCKLE'A
W PUBLICYSTYCE D. I. PISARIEWA**

Dzieło H. T. Buckle'a *Historia cywilizacji w Anglii* miało istotny wpływ na kształtowanie poglądów historiozoficznych D. Pisariewa, głównie jego zapatrywań na mechanizm przemian historycznych, rolę jednostki w dziejach, uznanie wiedzy za decydujący czynnik przemian cywilizacyjnych z jednoczesnym umniejszeniem roli czynnika moralnego.

Ukształtowany pod wpływem H. T. Buckle'a kult wiedzy wyraził się u Pisariewa w podporządkowaniu literatury nauce, preferowaniu publicystyki, stosowaniu kryteriów utylitarnych w ocenach współczesnej literatury.